

Посвящается Элли Стотт

Часть первая

ДО

Глава первая

Воскресенье, 10 февраля

И снова он, ночной пот.

— Черт возьми, Вив, — объявляет Энди, — это как просыпаться в болоте.

Муж вылезает из кровати, а я понуро наблюдаю за ним.

— Я что, виновата? Оно само получается, когда я сплю.

— Ладно, это я так, — морщится он.

— Нет, не так. Ты выговариваешь мне за то, что я — женщина средних лет, переживающая муки гормональной перестройки...

— Я всего лишь хотел сказать, что это неприятно.

Он надевает халат и резким движением затягивает пояс. *Ему неприятно?* Ну, извините, только пот — далеко не единственное блюдо в моем нынешнем меню, которое также включает: перепады настроения, учащенное сердцебиение, беспричинные вспышки и постоянное беспокойство, зашкаливающее в сравнении с привычными и так далеко не низкими показателями. Добавьте к этому маниакальную жажду неудобоваримого пудинга (оттого, наверное, живот растет как на дрожжах), стремление умиляться при виде щенят, котят, телят и прочего четвероногого молодняка, а также прыщавость, какой не было даже в подростковом возрасте. Да, еще ночные страхи,

идушие бонусом к бессоннице: а вдруг авиабилеты начальнице забронированы не на ту дату, и почему по карте такой перерасход, и из-за чего волосы стали ломкими, как солома. В 4.37 утра найдется масса поводов для переживаний — от положения дел в правительстве до размеров собственной задницы, а если эти поводы себя исчерпали, всегда можно понервничать из-за собственной обеспокоенности (а это нормально — так волноваться?). И у моего супруга еще хватает наглости сетовать на мокрую постель? У мужчин андропауза — это ерунда на постном масле.

— Если тебе настолько противно, — предлагаю я, — могу спать в гостевой.

— Зачем? Не нужно, — говорит муж со страдальческим вздохом.

— Или могу снять номер в специализированной гостинице для дам в климаксе, где вентиляторы на каждом шагу и сочувствующий мужской персонал.

На это он предпочитает не реагировать.

— Не знаю, что еще предложить, — говорю я. — Разве что вмонтировать в меня термостат...

— Хватит, я тебя понял...

— Но от кнопочки я бы не отказалась.

Я смотрю на физиономию мужа: обаяшка доктор Флинт, с ярко-голубыми глазами и длинными-длинными ресницами, такими пушистыми и загибающимися, словно он пользуется моей тушью. Подозреваю, что большинство коллег женского пола и пациенток к нему неровно дышат. В это тусклое серое утро я надеюсь на толику юмора или хотя бы сочувствие к моему резко пикирующему уровню эстрогенов, но он смотрит на меня холодно, точно я обливаюсь мерзким потом ему назло. Для медработника с его-то стажем врачебного такта — ноль.

Давя в себе раздражение, я иду в душ после Энди, а потом заглядываю в комнату дочери, которая еще в кровати. У нее чудесные светло-каштановые волосы, большие голубые глаза, как у папы, и широкая щербатая улыбка из-за двух выпавших молочных зубов.

— Доброе утро, Из, — говорю я. — Пора вставать, зайка. Помнишь, что мы сегодня идем плавать?

— Ой, я забыла!

— Давай-ка пойдём, пока народу мало.

Иззи вылезает из постели и достает из шкафа одежду — она терпеть не может, когда ей указывают, что надеть. Узнав, что у нас с Энди семилетняя дочь, люди нередко бьются ошарашены. Нам обоим по пятьдесят два, и я, само собой, самая старая мамаша во всей школе. Когда была зачата Иззи, мы уже потеряли надежду на второго ребенка — после сына была пара выкидышей, а потом — ничего. Мы оба прошли обследование, все казалось в полном порядке, но годы шли, а беременность не наступала.

Мы с Энди уже смирились с тем, что у нас будет только один ребенок. Спенсер — замечательный парень, и мы никоим образом не чувствовали себя обделенными. Честно говоря, мы никогда не предохранялись и почти забыли о том, что можем зачать снова, и уж, конечно, никак не ожидали, что это произойдет, когда мне будет сорок два.

Когда месячные не пришли, я подумала, что началась менопауза. А вместо этого появилась Иззи, наше солнышко, за что я неустанно благодарю судьбу. Спенсер, которому сейчас двадцать два, немного скис при известии о том, что у него будет брат или сестра (но, разумеется, ненадолго и обожает Иззи с самого ее рождения). Вообще, мне кажется, большинство подростков болезненно воспринимают доказательства того, что их родители все еще занимаются «ЭТИМ».

Впрочем, теперь у нас «это» бывает нечасто, и все бы ничего, если бы не еще одна странная особенность климакса. Более удивительная, чем потоотделение, о котором я была наслышана. Но чего я от себя никак не ожидала, так это взрыва либидо, когда постоянно хочется и ведешь себя точно похотливая кошка.

Слушай, Вив, я сегодня совсем без сил.

Дорогая, мне завтра утром на пробежку.

Что-то спина опять пошаливает. Точно ишиас.

...или люмбаго? Да, пожалуй, оно.

Ой! Мне больно, когда ты так делаешь...

Вот такой чресло-тонизирующий эффект я оказываю на своего благоверного. Ничего, ему еще приспичит, будет пыхтеть мне в ухо, а я такая, мол, не в форме и поясницу прихватило. *Извини, друг, твой поезд ушел!* Я готовлю яичницу для нас троих, а сама так радуюсь при мысли, как обломаю его с сексом, что к тому моменту, когда мы садимся завтракать, почти прощаю его за давешнее брюзжание.

Мне даже приходит мысль извиниться за то, что я — женщина и старею.

— Извини, я такая раздражительная, — говорю я, попивая кофе. — Просыпаюсь вся липкая, как рептилия, — просто жуть.

Мужчина, который вроде бы должен меня любить и, вероятно, сопереживать гормональному катаклизму, в котором я оказалась, смотрит на меня отстраненным взглядом.

— К твоему сведению, Вив, у рептилий сухая кожа, — говорит он.

Глава вторая

Понедельник, 11 февраля

Сегодня начало полугодия, и мы с Иззи спешим в школу. Я пытаюсь позитивно настроиться на новую неделю и забыть о том, каким придирчивым и отчужденным в последнее время стал Энди. Возможно, у него завал на работе, и мне следует с большим пониманием относиться к его проблемам? Я знаю, на нем большая ответственность, все трудятся на пределе возможностей, и вообще работа в крупной больнице в условиях все более жестких бюджетных ограничений — это вам не пикник на пляже. Черт возьми, я с уважением отношусь к тому, что он делает.

Но выпад про рептилий не идет у меня из головы, особенно фраза: «На мой взгляд, ты скорее... земноводное», — и при этом он, по своей мерзкой привычке, вскинул левую бровь, отчего мне сразу захотелось ему врезать (я всегда была такая нетерпимая, когда ярость так и рвется наружу, или это что-то новенькое?). Кроме того, я заметила, что с недавних пор Энди то и дело повторяет «к твоему сведению», причем не только в рептильном контексте. Например, у нас в спальне стоит внушающий опасения тепловентилятор (Энди — мерзляка), который он ни в какую не хочет выбрасывать, несмотря на то, что тот периодически воняет горелым.

Муж утверждает, что с тепловентилятором все в порядке. Ну, ему с его мужским рентгеновским зрением, способным пробиться сквозь белую пластиковую обшивку к рабочим кишочкам и уверенно поставить диагноз, наверное, виднее.

— К твоему сведению, это пыль обгорает, — заявил он, когда я в очередной раз «завела свою песню» (сказала, что запах такой, словно скоро дом загорится).

— А там что, пыль есть? — поинтересовалась я. — И ей положено «обгорать»?

— Все в порядке!

Живо представляю себе надпись на наших надгробиях: «Он сказал, что тепловентилятор безопасен для жизни». Еще одна позиция в копилку моих климактерических переживаний.

— Мама, там Мейв! — восклицает Иззи, замечая на противоположной стороне свою лучшую подружку и возвращая меня в настоящее. Мейв и ее мама Джулз машут нам, и мы переходим улицу, чтобы присоединиться к ним.

— Мы так и думали, что встретим вас по дороге, — говорит Джулз, когда девчонки, щебеча, уносятся вперед. — Чем занималась?

— Да так, копошилась помаленьку, — отвечаю я. — А ты?

— А мы в последнюю минуту решили отправиться в автопутешествие. Знаю, в это время года это звучит полным безумием, но Эрл сказал, что нам непременно нужно вырваться на несколько дней.

Ах, душка Эрл, муж Джулз, который не делает тайны из того, что обожает свою жену, и всегда осыпает ее комплиментами. Ей, судя по всему, это кажется абсолютно нормальным в браке. Может, так и есть?

— Держу пари, это было потрясающе, — говорю я, а Джулз усмехается. Они в шутку окрестили свой дом на

колесах «самым отвратительным трейлером в мире», но, по-моему, он выглядит очень славно — с выцветшей зеленой обшивкой, подвесными кашпо и видами озера Уиндермир.

— Потрясающе — это сильно сказано, особенно теперь, когда прямо над нашей кроватью подтекает. Но было весело, да, Мейв?

— Ага, — оборачивается с улыбкой ее дочь. — Мы развели костер у озера и жарили на нем колбаски.

— Вау, в феврале?! — восклицаю я.

Джулз улыбается. Жилистая, с мальчишеской стрижкой, в сорок два года она выглядит моложе своих лет. На мой взгляд, в ней есть что-то «эльфийское». Будь у меня такая стрижка, я бы смахивала на кряжистого сердитого мужичка.

— Ну, ты знаешь Эрла, — продолжает она, — плохая погода ему нипочем. В общем, здорово, что мы съездили, особенно потому, что у меня наступает горячая пора.

— Много клиентов? — спрашиваю я.

— Да, и новые семинары на подходе.

Я киваю, и в голове у меня начинает зреть мысль. До нашего знакомства Джулз занимала солидную должность в банковской сфере. Перегорев и разочаровавшись в корпоративной жизни, она на все забила и стала многостаночницей: она и инструктор по йоге, и поставщик продуктов питания, и... тренер личностного роста. Энди считает тренинги личностного роста баловством для богатых бездельников, но кто его спрашивает? А вдруг после нескольких занятий какие-нибудь качества Джулз передадутся мне? Может, я стану менее... *земноводной*?

— А ты сейчас берешь новых клиентов? — спрашиваю я, когда мы подходим к школе.

— Интересуешься для своих знакомых?

— Э-э... не совсем.